

«РАССУЖДЕНИЕ О РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ»

НЕИЗВЕСТНАЯ СТАТЬЯ М. М. ХЕРАСКОВА

Публикация П. Беркова

Обычное мнение о скудости в XVIII в. историко-литературных обзоров, касающихся тогдашнего состояния русской литературы, должно в настоящее время полностью признать преувеличенным. К середине XVIII в. относится ряд частью законченных, частью незавершенных попыток, свидетельствующих о том, что уже в то время была осознана возможность и, главное, необходимость исторического изучения русской литературы. В 1755 г. появляется работа В. К. Тредиаковского «О древнем, среднем и новом стихотворении российском», дающая определенную—недворянскую—схему развития русской литературы. Приблизительно к тому же времени относится набросок статьи М. В. Ломоносова «О нынешнем состоянии словесных наук в России», представляющий к сожалению только первые строки работы, ее вводную часть. В 1760 г. появляется «Lettre d'un seigneur russe» гр. А. П. Шувалова. Двумя годами позднее С. Г. Домашнев в статье «О стихотворстве» посвящает несколько страниц «стихотворству российскому». В 1768 г. появляется анонимно напечатанный «Nachricht von einigen russischen Schriftstellern» А. А. Волкова. Наконец в 1772 г. выходит «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. К числу подобных же историко-литературных обзоров относится написанное в том же 1772 г. «Рассуждение о российском стихотворстве» М. М. Хераскова. Судьба этого произведения чрезвычайно любопытна. В оригинале оно не сохранилось и не включено ни в одно собрание «творений» М. М. Хераскова; вследствие этого оно осталось неизвестным биографам автора «Россиады» и историкам литературы и, насколько можно судить, в научный оборот вовлекается теперь впервые. Обстоятельства, вызвавшие его появление, были таковы.

В 1771 г. Херасков написал поэму «Чесмесский бой», которая произвела на современников сильнейшее впечатление. И прежде заметный в писательской среде, Херасков выдвинулся в первые ряды, и репутация его в России укрепилась окончательно и непоколебимо. Но поклонники поэта считали, что в новой поэме Херасков заявил права не только на всероссийскую известность, но и на европейскую. Поэтому в 1772 г., через год по выходе «Чесмесского боя», появляется анонимный французский, а еще через год—немецкий перевод этой поэмы, оба в прозе¹.

В обоих переводах «Чесмесского боя» имеются предисловия переводчиков. Французский текст, как видно из приводимого ниже перевода, принадлежал русскому автору, несомненно лицу, близкому Хераскову, или может быть—не исключена возможность—и самому ему. Немецкий перевод был сделан безусловно немцем. Если первая часть немецкого предисловия представляет собой свободный перевод предисловия к французскому изданию, то во второй части, где излагаются причины появления немецкого перевода, чувствуется авторство именно немца.

«Причина, побудившая меня перевести данную поэму («Чесмесский бой»),—пишет переводчик «Der Schlacht bey Tschesme» (стр. 5),—это ревностное желание (Eifer) обогатить немецкую литературу еще одним красивым, превосходным произведением... Что касается речи о происхождении русской поэзии, то последняя познакомит немецких поклонников муз с современным состоянием и характером (Verfassung) русской поэзии и литературы и вообще с возможностями этого языка» (стр. 6).

Чтобы покончить с немецким переводом, следует указать, что рецензия о нем была помещена в книге «Russische Bibliothek» И. Бакмейстера (стр. 100). Как и все рецензии в этом журнале, рецензия о немецком переводе «Чесмесского боя» сухо

информационна и не дает ничего нового. Может быть именно экземпляр немецкого перевода, бывший в руках Бакмейстера, когда он писал эту рецензию, и был им подарен в библиотеку Академии Наук. Во всяком случае на экземпляре немецкого перевода, принадлежащем академической библиотеке, имеется надпись: «Bibliothecae imperiali offert J. Bacmeister» (Императорской библиотеке преподносит И. Бакмейстер). Впрочем последнее обстоятельство позволяет вместе с тем предположить, что сам Бакмейстер мог быть переводчиком.

Сравнение немецкого и французского текста приводит к выводу, что немецкий перевод был сделан с французского перевода, а не непосредственно с русского оригинала, как об этом сказано на титульном листе. Очевидно поэтому, что в основу изучения должно положить именно французский текст перевода «Рассуждения» и предисловие переводчика. Последнее не лишне привести полностью:

«Г. Херасков, автор этой поэмы, известен в своем отечестве произведениями в различных жанрах. Его трагедии, оды, басни, его идиллические и анакреонтические стихотворения очень ценятся; он первый сочинил также комедию в стихах, которую все знатоки очень одобряют (donnent leurs suffrages). Его исторический роман Нума или процветающий Рим по справедливости может быть сравнен с Велизарием г. Мармонтеля. У меня нет притязаний слагать здесь панегирик в его честь, но каждый искренний соотечественник должен воздать ему справедливость по заслугам. Поэма, предлагаемая мною публике, исполнена таких красот, что одно лишь чтение ее подвинуло меня на перевод ее на французский язык. Я сознаю, что не в силах передать ее в столь же совершенном виде, какова она в оригинале. Кой у кого стиль может быть возвышеннее, но, поскольку это мой первый опыт на чужом языке, я надеюсь на снисхождение, тем более, что я все же сохранил рисунок картины, утерав ее колорит и известную долю выразительности. Гармония стихов и счастливые обороты неуловимы в переводе; и единственной моей задачей было познакомить с гением автора и нашего языка» (стр. 3—4).

Повидимому имея в виду именно иностранного читателя, Херасков, по просьбе переводчика, предпослал французскому переводу поэмы «Discours sur la poésie russe» («Рассуждение о стихотворстве российском»), в котором желал познакомить Запад с состоянием русской поэзии. Понятно, что такая установка подсказывала как иные задачи, так и иные способы их разрешения, нежели работа на русском языке. В «Discours sur la poésie russe» Хераскова, подобно тому, как в «Lettre» Андрея Шувалова, следует различать две функции: информационную—для иностранцев, с еще более, чем у Шувалова, подчеркнутым элементом «национальной гордости», и идеологическую—представляющую проекцию внутренних русских отношений. Правда, в последнем случае положение Хераскова, участника, и не рядового, в развитии русской поэзии, было неловко: подробно говорить о себе он не мог, а между тем без указания на его собственную роль картина русской поэзии оставалась неполной. Херасков предпочел последнее, и о самом авторе «Чесмесского боя» даны две-три строчки, вернее не о нем (имя его даже не упомянуто), а о первой русской комедии в стихах «L'homme haïssant le mérite» («Ненавистнику») ², принадлежащей, как известно, его перу.

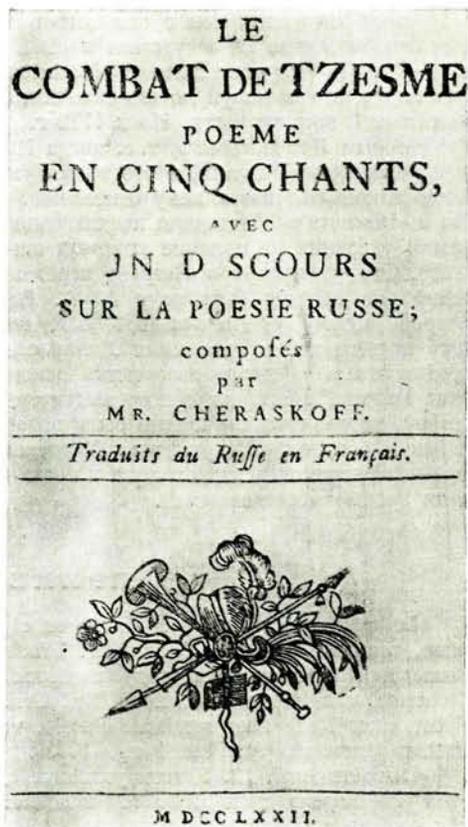
Переходя к рассмотрению «Discours'a» со стороны его информационной функции, обращенной к иностранцам, следует сразу отметить, что объем сообщаемых Херасковым сведений далеко превосходит и Третьяковского, и А. П. Шувалова, и Домашнева, и даже ряд последующих по времени историко-литературных работ.

По сравнению с Домашневым, упоминавшим только Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Третьяковского, кн. Антиоха Кантемира и Поповского, «Discours» Хераскова давал обширный и свежий материал. Но в данном случае большее значение имеет не то, какой материал давался, или как давался этот материал, сколько то, с какой целью он давался. А цель эта была в достаточной степени ясна: показать иностранцам, что русская поэзия ни в чем не уступает западноевропейским литературам. Поэтому «Discours» начинается следующим категорическим утверждением: «В происхождении своем стихотворство российское имело начала, всем народам свойственные» (стр. 5). С тем же намерением приводится указание на употребление в церковном обиходе славянского языка в противоположность латыни Западной Европы. С тою же целью характеризуется деятельность различных поэтов, чтобы можно было в каждом отдельном случае сделать вывод о пригодности русского языка для всех родов поэзии. Наконец для большего торжества русской поэзии Херасков утверждает, что «хорей наш и дактиль совсем есть тот, какой у древних римских был поэтов» (стр. 13).

Свой «Discours» Херасков кончает утверждением, что произведения молодых поэтов и дам-писательниц «заслуживают быть переведенными на иностранные языки, чтобы

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА ФРАНЦУЗСКОГО
ПЕРЕВОДА ПОЭМЫ М. М. ХЕРАСКОВА

«Чесмесский бой», при котором напечатан текст
его «Рассуждения о русской поэзии» (1772 г.)
Библиотека Академии Наук СССР, Ленинград

яснее показать дух и красоты нашего стихотворства» (la genie et les beautés de notre Poésie) (стр. 14).

«Информационная» функция «Discours'a» Хераскова может быть обнаружена в достаточно четкой форме. Гораздо труднее определить идеологическую функцию его в отражении внутренних русских отношений. Если сопоставить «Discours» со статьей Домашнева, более богатой непосредственно идеологическими высказываниями, станет ясно, что ключ к пониманию заключенного в нем классового сознания лежит в другой плоскости. Точно так же сравнение с «Опытом Словаря» Новикова, вышедшим в том же году, не может облегчить нашей задачи, так как уяснению классовой позиции Новикова способствует статистика писательской массы в ее социальном членении и в пропорциях этого членения. У Хераскова же, в зависимости от иной основной функции и иной направленности (не внутри, а вненациональной), отбор производился не по классовому принципу, как у Новикова, а по принципу использования деятельности писателя в качестве доказательства разносторонности и зрелости русской поэзии. Хераскова, писателя, вышедшего из среднего дворянства, которое считало себя представителем всего народа, не могло смущать то, что для целей внешних приходится в качестве иллюстрации пользоваться писателями из разных классов: в этом как раз и выступал «средний класс» от имени всей нации. Это — с одной стороны. С другой стороны, некоторый материал для уяснения идеологической позиции Хераскова дают, во-первых, приводимые им характеристики и во-вторых, отсутствие некоторых поэтов в списке представителей современного Парнасса.

Если вспомнить, что «Discours» был написан в 1772 г.³, т. е. через семь лет после смерти Ломоносова, и что за это время сгладилась острота споров между сторонниками Ломоносова, в подавляющем большинстве представителями «знати», и сторонниками Сумарокова, больше ценившими его «простоту», «ясность» и «нежность», чем идеализацию монархического принципа, хотя последнее несколько не шло вразрез с общей идеологией среднего дворянства; если вспомнить все это, станет понятно, почему у Хераскова дан восторженный отзыв о Ломоносове, правда, все же уступающий характеристике Сумарокова.

Но этот хвалебный тон в отношении Ломоносова делается более понятным, если обратить внимание на отсутствие в «Discours'e» Хераскова имени «второго Ломоносова»—В. П. Петрова. Если в «Nachricht'e» А. А. Волкова фамилия Петрова не упомянута, это пожалуй можно объяснить тем, что в 1768 г. Петров еще не достиг достаточной популярности. Но в 1772 г., когда Новиков довольно едко подшучивает над «вторым Ломоносовым», т. е. когда Петров является фигурой спорной, вызывающей резкие расхождения, в это время умолчать о нем—значило известным образом демонстрировать свое к нему отношение. В особенности странно это, если заметить, что в «Discours'e», благодаря невключению Петрова, остается как бы пробел в отношении указания на наличие крупных одописцев после смерти Ломоносова и Поповского. Это умолчание о Петрове вероятно не случайно у Хераскова, как не случайно оно должно быть и у А. А. Волкова. Последний очевидно не включил Петрова потому, что не мог (в 1768 г.) видеть в «поповском сыне» достаточно сильного претендента в преемники Ломоносова. А Херасков как типичный (в 1772 г.) представитель среднего дворянства демонстративно пропустил Петрова, этого протеза «знати», поэта, намеренно выдвигаемого в противовес, с одной стороны, Ломоносову, которому после смерти были возвращены симпатии, и с другой—Сумарокову. Таким образом «Рассуждение» Хераскова представляет любопытное явление в нашей литературной историографии и конечно не должно оставаться в дальнейшем вне поля зрения исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Le combat de Tzesme. Poème en cinq chants, avec un discours sur la poésie russe, composés par Mr. Cheraskoff. Traduit du Russe en Français. MDCCLXXII».—Вышедший в следующем году немецкий перевод озаглавлен: «Die Schlacht bey Tschesme, ein Heldengedicht. In fünf Gesängen, herausgegeben von Herrn Cheraskoff. Nebst einer Rede über russische Poesie, von ebendemselben Verfasser. Aus dem Russischen übersetzt. St. Petersburg. 1773».

² «Discours», стр. 12. Кстати указание «Драмматического словаря» 1787 г. (стр. 90, тоже по переизданию 1880 г.) неверно: «Ненавистник» был написан не в 1774, как сообщает «Драмматический словарь», а в 1770 г. (см. «Полное собрание творений Хераскова», т. V, стр. 293), что подтверждается и текстом «Discours'a». Впрочем автор «Драмматического словаря» вероятно был введен в заблуждение опечаткой на титульном листе 1-го издания «Ненавистника» 1779 г. См. В. П. Семенников. «Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова». П., 1921, стр. 20, № 78.

³ В «Discours'e» упоминается комедия Екатерины «О время», сочиненная в 1772 г.

РАССУЖДЕНИЕ О РОССИЙСКОМ СТИХОТВОРСТВЕ

В происхождении своем стихотворство российское имеет начала, всем народам общие. Славяне, предки наши, провоздавшие жизнь свою в предприятиях воинских, покорявшие врагов своих, имея мужей отважных предводителями и соратниками, всего पहले прославляли подвиги их в песнях, кои от поколения поколению предавали памятные приключения победоносных рыцарей наших. Доселе сохранились остатки сих творений пиитических, кои повествуют нам о событиях древности. Таковы суть песни об Илье Муромце, о Пирах Владимировых и им подобные. Вкус века их ясно в сих поэмах отражается, и ежели бы сии времена произвели певцов, имени сего достойных, стихотворство наше было бы подлинно во вкусе восточном, в рассуждении повторений, бывших тогда в обычае, мыслей кратко выраженных, наконец, оборота, который придавался им.

Но оружия бряцание, отсюда раздававшееся и почти никогда не прекращавшееся, глас Муз заглушало. Посреди невежества, кое весь Север и всю почти Европу тогда помрачало, дух сих певцов-воителей

ниоткуда не мог почерпать просвещения; и их творения свидетельствуют лишь о попытках предков наших прославить достопамятные подвиги героев своих.

Сии древние песни полагать позволяют, что воители смиренные, вождем своим преданные, деяния их прелагали в песни, кои пели они для оных увеселения, либо, быть может, для воодушевления других.

М. М. ХЕРАСКОВ

Рисунок Е. Эстеррейха, гравированный И. Ческим (середина 1790-х гг.)
Государственный Эрмитаж, Ленинград

Таковы были стези грубые, коими следовали Музы во времена сии отдаленные, дабы водрузиться в нашем отечестве.

Но вскоре, просвещенные верою христианскою, предки наши умягчили грубость сердец своих и предпочли славе побед блистательных житие покойное и мирное. Тогда песнопения священные повсюду раздаваться стали; книги, святым стихотворством наполненные, были прелагаемы на язык российский; и во время, когда Европы большая часть славословила бога и обеты ему на языке чужестранном возносила, россияне уже пели песнопения церковные на своем языке и услаждали сердца свои и дух свой чтением книг священных. Псалмы Давидовы, в коих блещет стихотворство божественное, и все священное писание были вскоре весьма изрядно преложены на древний язык славенский. После

сего предки наши всех учителей церкви и певцов священных читать начали.

Здесь отдалился я от истории нашего стихотворства, единственно дабы дать понять, что язык наш к переводу книг важных и глубоко-мысленных удобен. Есть у нас таковые, которые преложены многие веки назад, и коим поднесь еще удивляются в рассуждении точности их, силы и красоты выражения. Быть может, с того времени могло бы наречие российское более высокой степени совершенства достичь и сим способом нам более легкий путь открыть к сочинению наших творений; однако, слога изящество вдруг в расцвете своем поблекло и от нас сокрылось.

Внезапное татар вторжение удручило мужество россиян миролюбивых и порядок в стране их привело в замешательство. Сладость песнопений священных на время была прервана, разрушены были училища, и дарования предков наших померкнули. Киев, древняя России столица, источник святых истинны, долгие годы пребывал в разрушении, и хотя в северных пределах Империи службы церковные безвозбранно отправлялись, со всем тем, уж не ищут более украшать слог, но с сердцами, бедствиями угнетенными, прибегая к богу, единственно помышляют мольбами своими гнев его укротить.

В таком положении Россия почти три века стенала под игом ино-племенников, и тьма изнеможения ее облекла, доколе мужество россиян не воспрянуло вновь. Великие мужи пробудились ото сна и покорили своих поработителей, но сие не было еще временем удобным для просвещения россиян и для отворения им стези дарований. Империя, от варваров освобожденная, нуждалась в необходимых заботах для ведения дел, которые безопасность ее и благоденствие обеспечить могли. Итак почти до начала сего века Музы не дерзали вступить в отечество наше, и науки, которые воцарения Петра Великого ожидали, света своего представить нам не могли.

Однакож, был род пиитов до вступления сего великого монарха на престол и во время его царствования; но творения сих сочинителей только что по имени были стихи. В правление царя Алексея Михайловича все псалмы были преложены стихами, ни меры, ни падения, ни приятности не имевшими и лишь, по обыкновению древних пиитов польских, оканчивались рифмою. Монах Симеон Полоцкий, преложивший псалмы стихами, был, быть может, изобретатель сих безобразных стихов. Он сочинил П л а ч ь на смерть царя Алексея Михайловича и другие творения в таком же вкусе; многие были подражатели в сем роде стихотворства, где правила пиитические ни в каковой мере не соблюдались. Хотя кн. Кантемир и г. Тредиаковский исправили в некотором роде свое стихосложение, но в нем не наблюдается ни сменение стихов мужских и женских, ни полустигия, ни истинная гармония, а в иных случаях им недостает надобного числа стоп. Сии два пиита писали стихами хореическими, но род сей не был еще приведен в совершенство; впоследствии г. Тредиаковский писал подлинными хореями и иамбами и дактилями. Наконец, явился Ломоносов; сей великий муж, столь превосходными дарованиями наделенный, после того как в чужих краях приобрел знания наук важных, чувствуя природную свою склонность к стихотворству, сочинил еще в бытность свою студентом в Галле оду на взятие Хотина в 1739 г. Сие творение, того же года в Россию

посланное, оказало великое сего сочинителя дарование и обучило россиян правилам истинного стихотворения. Оно написано иамбическими стихами в четыре стопы; сменение стихов и мера лирических строф тут точно соблюдены и к чести сего славного пиита признать должно, что сие первое творение есть из числа лучших его од. Перевод, который г. Ломоносов из стихов Г. Ф. В. Юнкера на коронавание императрицы Елисаветы в 1742 г. учинил, научил нас сочинению подлинных иамбических стихов александринских. Засим разные его труды, величайшей похвалы достойные, и первее всего оды его, исполненные огня божественного и высоких мыслей, его надписи, его героическая поэма П е т р В е л и к и й, которую смерть помешала ему завершить, к сожалению его единоплеменников, обогатили язык наш, представили нам высокие образцы и имя Ломоносова соделали бессмертным.

В то время, как сей великий муж начертывал путь, к обиталищу Муз ведущий, и закладывал камень краеугольный нашего Парнасса, начал процветать г. Сумароков. Сей показал сперва приятность языка нашего в творениях нежных и страстью исполненных; засим, не имея иного руководителя, как природные дарования, он заставил Мельпомену явиться на Севере и был первый, кто своими трагическими драммами тронул сердца и исторг у нас слезы. Трагедии его являют мощь, сладость, изобилие и величественность наречия нашего: они писаны иамбическими александринскими стихами и составляют честь Парнасса Российского и славу своего сочинителя. Оставляя иногда кинжал Мельпомены, сей славный сочинитель наигрывал на нежной свирели и пока-

ТИТУЛЬНАЯ СТРАНИЦА НЕМЕЦКОГО ИЗДАНИЯ
ПОЭМЫ М. М. ХЕРАСКОВА

„Чесмесский бой“ с его статьей о русской поэзии
(1773 г.)

Библиотека Академии Наук СССР, Ленинград

зывал чистоту нашего языка в своих еклогах. Иногда, без иных каких украшений, нежели простота приятного слога, забавный и острый, сочинял басни, равные Лафонтеновым. Иногда пленял он сердца чарами Анакреонтовыми и во всех родах являл свойственную ему способность и гибкость языка нашего. Словом, творения г. Сумарокова снискали ему похвалы и признательность его единоземцев.

С тех пор, как были заложены основы вкуса изящного в российской словесности, любимцы Муз развернули свои различные дарования, которые Парнасс наш обогатили. Г. Ржевский отличился жалобливыми элегиями, трогал чувствительные сердца, чистым слогом движения страстей рисовал и оплакивал страдания любви несчастливой.

Когда лира покойного г. Ломоносова возносилась в небеса, восхищая души наши; когда г. Сумароков заставлял на сцене российской стенать Мельпомену и с неподражаемой приятностью пел полевых нимф, покойный г. Поповский слогом чистым и высоким переводил в стихах оды Горация и Опыточеловеке Попе. Сей последний труд наипаче заслужил ему истинное титло и славу изрядного пиита, и ежели бы оный аглицкой философ мог видеть сей перевод, он не непризнал бы его. В то же время г. Майков сочинил забавную поэму под титлом Игрока ломбера и показал, что язык наш и к творениям шуточным применяется. Засим дал поэму Раздраженный Вакх и явил нам Скаррона своими чертами находчивыми, живыми, занимательными и своими забавными выдумками.

Итак, сказать можно, что язык наш равно удобен для слога важного, возвышенного, нежного, печального, забавного и шутливоего. Покойный г. Барков наипаче в сем последнем роде отличался. Наши иамбические стихи разнятся, быть может, от иамба, изобретенного Архилохом; но в них есть сила, падение и мера, Музами германскими в их песнопениях соблюдаемые. Наш хорей и дактиль таковы же суть, как у древних поэтов латинских.

Что же принадлежит до комедий, то г. Сумароков, во всех почти родах стихотворства упражнявшийся, первый в России открыл училище Талии. Сочинил много комедий прозою, а за ним г. Фон-Визин сделал таковую же весьма изрядную, в коей собственно нравы российские изобразил. Многие из сочинителей наших упражнялись в сем роде и наипаче г. Александр Волков и г. Лукин.

Не так давно безымянной сочинитель по заслугам снискал похвалы общества за комедии свои, из коих первая названная О время! уже играна и напечатана; драммы сего сочинителя суть числом пять, писаны прозою. Театр наш давно уже ожидал комедий в стихах, дабы убедиться, свойственно ли языку нашему стихосложение комическое. Сие ожидание удовлетворено, и комедия в стихах под титлом Ненавистника вскоре представлена будет на нашем театре.

Язык российский удобен также и для оперы героической и комической, чему довольные доказательства уже давно имеются.

Кроме писателей, только что мною исчисленных, имеется довольно молодых сочинителей и дам, в стихотворстве упражняющихся, коих творения достойны быть переведены на языки чужестранные, дабы изъяснить яснее природное дарование и красоты нашего стихотворства.